

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЛУЦКЕВИЧ против РОССИИ»

(жалобы №№ № 6312/13 и 60902/14)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено
15 мая 2018 года

Вступило в силу 8 октября 2018 года

*Данное постановление вступит в силу в порядке, установленном пунктом 2
статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Луцкевич против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес,

Йолин Схёккинг,

Мария Элосеги, *судьи*,

а также Фатош Араджи, *Секретарь Секции*,

проведя заседание 10 апреля 2018 года за закрытыми дверями,

в указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании двух жалоб (№№ 6312/13 и 60902/14), поданных в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином России, Денисом Александровичем Луцкевичем (далее — «заявитель»), 11 января 2013 года и 2 сентября 2014 года, соответственно.

2. Интересы заявителя представлял Д. Аграновский, адвокат, практикующий в г. Электростали. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем — его преемник на этом посту М. Гальперин.

3. Заявитель жаловался на его преследование и осуждение за участие в массовых беспорядках. Он утверждал, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия не имело под собой значительных и достаточных оснований, и утверждал, что различные аспекты его содержания под стражей представляли собой унижающее достоинство обращение. Заявитель также жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнения и права на свободу мирных собраний.

4. 19 декабря 2013 года и 13 октября 2014 года жалобы были коммуницированы Властям. Было принято решение рассмотреть данные жалобы в приоритетном порядке на основании правила 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1992 году и проживает в г. Лобне Московской области.

А. Демонстрация 6 мая 2012 года

6. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65), а также в постановлении Европейского Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*) (жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 7-33). Доводы сторон относительно обстоятельств, имеющих непосредственное отношение к настоящему делу, изложены ниже.

7. 6 мая 2012 года в центре Москвы прошла манифестация под названием «Марш миллионов» в знак протеста против предположительно сфальсифицированных выборов президента. Мероприятие было согласовано с городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19:30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но когда участники шествия дошли до Болотной площади, выяснилось, что установленные полицией ограждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно ограничивали место, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре ограждений; между сотрудниками полиции и протестующими происходили множественные столкновения. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга и начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь от протестующих потребовалось около двух часов.

8. В тот же день городское отделение Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве возбудило уголовное дело для расследования предполагаемых массовых беспорядков и насильственных действий в отношении сотрудников полиции (часть 2 статьи 212 и часть 1 статьи 318 Уголовного Кодекса). 18 мая 2012 года материалы дела были направлены в главный штаб Следственного комитета для дальнейшего расследования. 28 мая 2012 года было также начато расследование уголовного преступления, заключавшегося в организации массовых беспорядков (часть 1 статьи

212 Уголовного кодекса). В тот же день два уголовных дела были объединены в одно производство.

Б. Задержание заявителя и его содержание под стражей в ходе предварительного следствия

9. Во время событий заявитель был студентом первого курса факультета культурологии Государственного академического университета гуманитарных наук. 6 мая 2012 года он принял участие в демонстрации на Болотной площади. По его утверждению, он был избит сотрудниками полиции, т.к. они разгоняли демонстрацию.

10. В 4:00 7 мая 2012 года заявитель был госпитализирован в отделение скорой помощи Склифосовской больницы, где его осмотрел врач-травматолог и нейрохирург. Осмотр выявил множественные синяки на груди заявителя, позвоночнике, плечах, коленях и голове.

11. После событий 6 мая 2012 года заявитель продолжал проживать по своему прежнему адресу и продолжал учебу. 9 июня 2012 года заявитель он был задержан по подозрению в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении сотрудников полиции во время демонстрации 6 мая 2012 года. В тот же день Басманный районный суд Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия до 9 августа 2012 года. Он ссылаясь на тяжесть обвинений и информацию о личности заявителя. Районный суд отметил, в частности, что отец заявителя был гражданином Украины, проживающим в Украине, и что заявитель может поэтому бежать, чтобы избежать расследования и судебного разбирательства. Суд пришел к выводу, что указанные обстоятельства давали достаточные основания полагать, что заявитель, находясь на свободе, может скрыться с целью продолжить преступную деятельность, повлиять на свидетелей, уничтожить доказательства или иным образом затруднить расследование уголовного дела, которое все еще находилось на первоначальном этапе.

12. 18 июня 2012 года заявителю были предъявлены обвинения в соответствии с частью 2 Статьи 212 Уголовного кодекса (участие в массовых беспорядках, сопровождающееся насилием) и частью 1 статьи 318 (применение насилия в отношении представителя власти). В частности, он был обвинен в том, что сорвал защитный шлем с головы офицера полиции.

13. 11 июля 2012 г. Московский городской суд оставил постановление о содержании под стражей от 9 июня 2012 г. без изменений.

14. 7 августа 2012 года Басманный районный суд г. Москвы рассмотрел ходатайство следователя о продлении срока содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия. Заявитель

попросил применить альтернативную меру пресечения до суда, например, домашний арест или письменное обязательство не покидать указанное место. В тот же день районный суд постановил, что обстоятельства, оправдывающие постановление о заключении под стражу, не изменились, и продлил содержание заявителя под стражей до 6 ноября 2012 года. 5 сентября 2012 года Московский городской суд оставил это решение без изменений.

15. 2 ноября 2012 года Басманный районный суд разрешил продление срока содержания заявителя под стражей до 6 марта 2013 года. Он повторил основания, указанные в предыдущих распоряжениях о продлении срока содержания под стражей и указал, что обстоятельства, которые являлись основаниями для вынесения распоряжения о заключении под стражу, не изменились. 3 декабря 2012 года Московский городской суд оставил это решение без изменений.

16. 21 ноября 2012 года обвинения против заявителя были сформулированы повторно. Кроме того, было указано, что заявитель выкрикивал оскорбительные лозунги и использовал металлические барьеры, чтобы помешать полиции; что по крайней мере трижды он бросал камни и куски щебня в сотрудников полиции и один раз ударил полицейского; и что он также схватил сотрудника полиции за униформу и выхватил защитный шлем из его рук.

17. 29 ноября 2012 года сотрудник полиции П. идентифицировал заявителя во время опознания как участника массовых беспорядков и лицо, которое дважды бросило куски щебня в сотрудников полиции и попыталось вырвать защитный шлем из рук полицейского. Он уточнил, что не видел, действительно ли заявителю удалось схватить шлем или нет.

18. 7 декабря 2012 года следователь Замоскворецкого меж-районного следственного отдела г. Москвы отказал в возбуждении уголовного дела по утверждениям заявителя о том, что он подвергся жестокому обращению со стороны полиции во время его задержания. Следователь посчитал, что применение силы сотрудниками полиции было оправдано поведением протестующих, включая заявителя, который активно сопротивлялся их задержанию и бросал различные предметы в сотрудников полиции.

19. 27 февраля 2013 года Басманный районный суд разрешил продлить срок содержания заявителя под стражей до 9 июня 2013 года, в основном, по тем же причинам, что и ранее, отметив, что состояние здоровья заявителя было удовлетворительным и не давало оснований для его освобождения. Указанное решение было оставлено в силе Московским городским судом 27 марта 2013 года.

20. 22 апреля 2013 года Басманный районный суд г. Москвы разрешил продления срока содержания заявителя под стражей в ходе

предварительного следствия до 6 июля 2013 года. Суд отметил, что несмотря на то, что заявитель и его адвокат уже завершили ознакомление с материалами дела, другие ответчики еще не сделали этого. Он повторил основания, указанные в предыдущих распоряжениях о продлении срока содержания под стражей и указал, что обстоятельства, которые являлись основаниями для вынесения распоряжения о заключении под стражу, не изменились.

21. 24 мая 2013 года уголовное дело в отношении заявителя было направлено в Замоскворецкий районный суд г. Москвы для определения уголовных обвинений.

22. 6 июня 2013 года указанный суд вновь продлил срок содержания заявителя под стражей до 24 ноября 2013 года. Это решение касалось одиннадцати подсудимых. В своем решении суд опирался, наряду с тяжестью предъявленных обвинений, на выводы о том, что «основания, которые изначально обуславливали заключение под стражу, не изменились», и что «никакие другие меры пресечения не обеспечат цели и задачи судопроизводства». 2 июля 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания под стражей без изменений.

23. 19 ноября 2013 года Замоскворецкий районный суд г. Москвы рассмотрел ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении девяти подсудимых, включая заявителя. Заявитель представил личные гарантии от члена Государственной думы в поддержку его обязательства явиться в следственные органы и в суд для рассмотрения его дела. Однако районный суд не учел эту гарантию и приказал, чтобы заявитель и его подсудимые были задержаны до 24 февраля 2014 года на основании тяжести обвинений и характера преступлений, вменяемых им. 17 декабря 2013 года Московский городской суд оставил постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей без изменений.

В. Условия содержания под стражей

24. С 20 июня 2012 года до его осуждения заявитель находился под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/2 в городе Москве. Там он содержался под стражей в камерах №403 (до 20 мая 2013 года, затем с 27 мая 2013 года по 19 июня 2013 года и с 29 июня 2013 года по январь 2014 года), № 12 (до 25 мая 2013 года), № 317 (до 27 мая 2013 года), и № 4 (до 29 июня 2013 года).

25. Камеры имели следующие характеристики:

- камера № 403: 40 кв.м. и десять спальных мест;
- камера № 12: 6,1 кв.м. и одно спальное место;
- камера № 317: 32,9 кв.м. и восемь спальных мест;
- камера № 4: 48 кв.м. и двенадцать спальных мест.

26. Стороны согласились с тем, что число нескольких заявителей в камерах не превышало допустимое количество. Они также согласились, что, согласно площади камер и количеству заключенных, заявителю предоставлялись положенные четыре квадратных метра личного пространства и что в каждой камере у него было индивидуальное спальное место.

27. Стороны привели следующие описания условий содержания в камерах. По словам заявителя, тюремная камера № 403 была размером приблизительно 7 на 5 метров и вмещала десять заключенных, включая его. Камера была недостаточно освещена и вентилируема, была чрезмерно жаркой летом и холодной зимой. Окна были расположены очень высоко, чтобы предоставить достаточно освещение для чтения или работы с документами. Душ разрешалось принимать раз в неделю. Туалет был отделен от жилого пространства только пластиковой перегородкой. Постельное белье было старым, а кровати были слишком маленькими для мужчины его роста. Продолжительность ежедневных прогулок составляла один час.

28. По утверждению Властей, во всех камерах были санитарные узлы с умывальниками и необходимая мебель. В камерах была вентиляция, отопление и освещение; состояние санитарных помещений было удовлетворительным; постельное белье меняли раз в неделю; и камеры были дезинфицированы, и в них регулярно боролись с вредителями. Заявитель мог принимать душ один раз в неделю и имел право на один час упражнений на открытом воздухе в день.

Г. Перевозка между следственным изолятором в здание суда

29. Описание заявителем условий содержания под стражей во время транспортировки из СИЗО в суд и обратно и замечания Властей в данном отношении идентичны приведенным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (*Yaroslav Belousov*) (упомянуто выше, пункты 69-73).

30. Что касается условий содержания под стражей в конвойном помещении Московского городского суда, заявитель указал, что она была плохо освещена, и что в туалет разрешалось сходить один раз в час. Кроме того, от него требовали раздеваться и приседать в ходе личного обыска в конвойном помещении.

Д. Условия в зале суда

31. 6 июня 2013 года судебные разбирательства начались в зале судебных заседаний № 338 Московского городского суда, и в конце июля 2013 года были перенесены в зал судебных заседаний № 635. В обоих залах для слушаний ответчики, включая заявителя, содержались

в стеклянных кабинках. С середины сентября 2013 года до конца 2013 года слушания продолжались в зале № 303 в Никулинском районном суде г. Москвы. В январе и феврале 2014 года они проходили в зале заседаний № 410 в Замоскворецком районном суде. Указанные залы для слушаний были оборудованы металлическими клетками, в которых девять ответчиков (с 19 декабря 2013 года – восемь), включая заявителя, находились в ходе слушаний.

32. Подробное описание условий в указанных залах для слушаний приведено в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 74-77).

Е. Судебное разбирательство в отношении заявителя

33. 6 июня 2013 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы начал предварительное слушание по уголовному делу в отношении десяти участников демонстрации на Болотной площади, которые обвинялись в участии в массовых беспорядках и применении насилия в отношении полицейских. 18 июня 2013 года тот же суд начал рассмотрение дела по существу.

34. В неустановленный день полицейский К., предполагаемый потерпевший в результате нападения заявителя, был допрошен в качестве свидетеля. Он показал, что в какой-то момент он был окружен толпой и подвергся насилию. Т. заявил, что заявитель пытался вырвать защитный шлем из его рук. Другой офицер М., также допрошенный в качестве свидетеля, заявил, что заявитель что-то крикнул и бросил камень или кусок щебня в сотрудника полиции.

35. 21 февраля 2014 года Замоскворецкий районный суд признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения. В частности суд постановил следующее:

«С 16:00 до 20:00 6 мая 2012 года... на Болотной площади...неустановленные лица...призвали присутствующих [на месте проведения мероприятия] двигаться за пределы согласованного места проведения мероприятия, к нарушению законных приказов полиции..., применению насилия...что привело к массовым беспорядкам, сопровождавшимся применением насилия к представителям власти в связи с исполнением их обязанностей [и] разрушением имущества.

В тот же день, не позднее 17:00, [ответчики] решили принять участие в массовых беспорядках и применить насилие в отношении... полицейских...

Более того,... участники массовых беспорядков кидали в полицейских куски гудрона, камни, палки и другие объекты..., которые попадали в полицейских, и [ответчики],... [которые] которые принимали участие в массовых беспорядках,... реализовали свое преступное намерение по применению насилия в отношении представителей власти..., применив физическую силу, что не представляло опасности для жизни или здоровья таких [представителей власти] ...

С 17:05 по 22:00 [заявитель] ... выкрикивал оскорбительные лозунги и использовал металлические барьеры для блокирования движения полиции ...

таким образом, предотвращая задержание участников актов массового беспорядка ... [Заявитель], действуя преднамеренно, по крайней мере три раза целенаправленно бросал камни и куски щебня в сотрудников полиции ... и применял насилие в отношении неустановленного полицейского, которое не ставило под угрозу его жизнь или здоровье ... Неустановленные участники актов массового беспорядка, преднамеренно действующие, сорвали защитный шлем с головы неизвестного полицейского и ударили его несколько раз в голову и тело, между тем [заявитель] ... хотя бы один раз ударил этого сотрудника полиции.

[заявитель] применил насилие в отношении полицейского [Т.], что не угрожало жизни или здоровью последнего ...

... неустановленные участники актов массового беспорядка умышленно сорвали защитный шлем Т., который [Т.] продолжал держать в руках и ударили его по голове и телу, после чего [заявитель] умышленно схватил [Т.] за униформу и ... выхватил шлем из его рук.

[Заявитель] заявил о своей невинности и указал, что... он принял решение посетить общественное собрание 6 мая 2012. При выходе с Малого Каменного моста [заявитель] увидел много сотрудников полицейских, обеспеченных пуленепробиваемыми жилетами, шлемами и дубинками, что наполнило его негодованием. Поскольку на месте ничего не происходило, [заявитель] решил вернуться ... когда он покидал место встречи, он видел, как полицейские в случайном порядке задерживали людей, ударяя их дубинками ... [Заявителя] трижды ударяли в спину дубинкой. Когда он увидел эти насильственные действия со стороны сотрудников полиции, [заявитель] приблизился к барьерам, где стояли другие протестующие, и выразил свое негодование ... Затем ... он попытался покинуть место встречи ... когда кто-то сорвал его рубашку. ... В какой-то момент [заявитель] наткнулся на полицейского [Т.]... который не был в шлеме. [Заявитель] попытался уйти, но внезапно полицейские подбежали к нему и начали бить его по голове и телу, затем они задержали его и ... отвели в полицейскую машину. [Заявитель] настаивал на том, что он не совершал никаких действий в отношении полицейского [Т.], не видел его шлема и ничего не выхватывал из его рук.

... суд считает доводы [ответчиков] о том, что они защищали кого-то от сотрудников полиции, или стали потерпевшими в результате применения силы со стороны сотрудников полиции, вымышленными и направленными на то, чтобы избежать ответственности...».

36. Заявитель был приговорен к трем годам и шести месяцам лишения свободы, рассчитанным на основании трехлетнего срока лишения свободы в соответствии с частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса, частично совпадающих с одним годом лишения свободы в соответствии с частью 1 статьи 318. Срок содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия был зачтен в срок тюремного заключения.

37. Заявитель подала апелляционную жалобу. Он, в частности, жаловался, что он не использовал металлические барьеры для блокирования движения сотрудников полиции и настаивал на том, что он стоял рядом с этими барьерами, до того как протестующих начали задерживать. Заявитель также указал, что видеозапись доказала, что он не брал шлем Т. и не использовал против него насилие. По его

мнению, суд первой инстанции не оценил его утверждения о же-стоком обращении со стороны сотрудников полиции.

38. 20 июня 2014 года Московский городской суд оставил без изменений постановление, вынесенное судом первой инстанции.

Ж. Переписка с Европейским Судом

39. Интересы заявителя представлял адвокат Д. на протяжении всего уголовного процесса на национальном уровне. 11 января 2013 года Д. направил Суду вступительное письмо с изложением жалоб заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции 6 мая 2012 года и необоснованное содержание под стражей в ходе предварительного следствия.

40. 24 января 2013 года Секретариат Суда признал получение вступительного письма, зарегистрированного по жалобе № 6312/13. Заявителю было предложено вернуть заполненный формуляр жалобы в течение восьми недель с момента получения письма Суда, но не позднее 21 марта 2013 года. Поскольку никакая дальнейшая корреспонденция не была получена от заявителя, 28 августа 2013 года Секретариат Суда спросил его, представлял ли все еще Д. его интересы и напомнил ему о возврате заполненного формуляра жалобы.

41. 18 сентября 2013 года Суд получил заполненный формуляр жалобы, подписанный другим адвокатом – Аграновским. В нем содержались жалобы на условия содержания под стражей в следственном изоляторе, в зале суда и во время перевозок в тюрьму и из нее, а также на необоснованное содержание под стражей в ходе предварительного следствия.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

42. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает следующее:

Статья 212. Массовые беспорядки

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет.

2. Участие в массовых беспорядках, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

3. Призывы к массовым беспорядкам, предусмотренным частью первой настоящей статьи, или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами наказываются ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти

«1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет...»

43. Краткое изложение применимого национального законодательства, регулирующего срок содержания заявителя под стражей в ходе предварительного следствия, а также практика внутригосударственных судов по данному вопросу приводится в постановлении Европейского Суда от 24 марта 2016 года по делу «Жеребин против России» (*Zherebin v. Russia*) (жалоба № 51445/09, пункты 16-25).

44. Краткое содержание применимых положений и европейский стандарты условий заключения приводятся в постановлении Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*) (жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 55 и далее).

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

45. В связи с тем, что данные жалобы относятся к общим фактам и правовым вопросам, Суд принял решение объединить две жалобы в одно производство в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

46. Власти утверждали, что заявитель вернул заполненный формуляр жалобы, зарегистрированный под номером 6312/13 и содержащий все его жалобы спустя восемь месяцев с момента отправки первого сообщения. Поэтому нельзя была считать его жалобу как поданную надлежащим образом.

47. Суд напоминает, что в соответствии со сложившейся практикой и пунктом 5 правила 47 Регламента Суда, действовавшим в соответствующий период, датой подачи жалобы, по общему правилу, считается дата первого сообщения, в котором указывается намерение заявителя подать жалобу с изложением, даже кратким, цели жалобы. Такая первая жалобы в принципе прервала бы течение шестимесячного срока. Тем не менее, отказ заявителя добиваться рассмотрения его или ее жалобы с разумной быстротой после первоначального вступительного контакта может заставить Суд принять решение о том, что прерывание шестимесячного периода будет признано недействительным. Поэтому дата представления заполненного формуляра будет считаться датой ее подачи (см. решение Европейского Суда от 26 марта 2013 года) по делу «Ярцев против России» (*Yartsev v. Russia*), жалоба № 13776/11, пункты 21-22).

48. В настоящем деле Суд отмечает, что первоначальное сообщение заявителя от 11 января 2013 года содержало краткое содержание его жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции 6 мая 2012 года и в соответствии со статьей 5 о необоснованном содержании под стражей в ходе предварительного следствия. Он считает, что нет необходимости приходить к какому-либо выводу в отношении жалобы по статье 3 на данном этапе, поскольку она является неприемлемой в любом случае по причине, приведенной ниже (см. пункты 51-52 ниже). Что касается жалобы в соответствии со статьей 5, Суд повторяет, что лицо, заявляющее о нарушении пункта 3 Статьи 5 Конвенции в отношении продолжительности его содержания под стражей, жалуется на длящуюся ситуацию, которая должна рассматриваться как единое целое (см. постановление Европейского Суда от 28 мая 2009 года по делу «Кокошкина против России» (*Kokoshkina v. Russia*), жалоба № 2052/08, пункт 68). Он отмечает, что после его помещения под стражу 9 июня 2012 года, а именно за семь месяцев до подачи первоначального сообщения, заявитель продолжал оставаться под стражей до 21 февраля 2014 года, то есть через пять месяцев после подачи заполненного формуляра жалобы. Поэтому Суд считает, что он обладает компетенцией рассматривать весь период его содержания под стражей и отклоняет предварительное возражение Властей в этом отношении.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ ВО ВРЕМЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

49. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на неблагоприятные условия его содержания под стражей в ИЗ-77/5, в конвойном помещении в Московском городском суде и в ходе транспортировки в следственный изолятор и обратно. Он также утверждает, что подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников полиции во время разгона митинга 6 мая 2012 года, и что в отношении его жалобы по этому поводу не было проведено эффективное расследование. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость

50. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты по его жалобе на жестокое обращение во время разгона демонстрации. В частности, он не оспорил решение следователя от 7 декабря 2012 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции. Власти также указали, что жалоба на условия содержания под стражей в конвойном помещении Московского городского суда не содержит достаточных подробностей.

51. Суд ранее установил, что апелляционная жалоба в суд на решение следственного органа, отклоняющего жалобу заявителя о жестокое обращение, было бы нормальным средством исчерпания в отношении жалобы по статье 3 (см., например, постановление Европейского Суда от 1 марта 2007 года по делу «Белевицкий против России» (*Belevitskiy v. Russia*), жалоба № 72967/01, пункт 61, и решение Европейского Суда от 14 октября 2003 года по делу «Трубников против России» (*Trubnikov v. Russia*), жалоба № 49790/99). Заявитель, интересы которого представлял адвокат на протяжении всего уголовного судопроизводства в отношении него, не представил никаких объяснений тому, что его адвокат не предоставил или не попросил заявителя подать судебную апелляцию в отношении решения следователя (см. с соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 20 декабря 2016 года по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), жалоба № 20933/08, пункт 66).

52. Поэтому Суд считает, что жалоба заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников полиции во время разгона демонстрации должна быть отклонена ввиду неисчерпания внутренних

средств правовой защиты в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции

53. Суд также отмечает, что жалоба на условия транспортировки из тюрьмы и обратно, включая условия в конвойном помещении в Московском городском суде, не является явно необоснованной в значении подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям. Следовательно, данные жалобы должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо жалоб

1. Условия содержания в следственном изоляторе

54. Заявитель утверждал, что неблагоприятные условия его содержания под стражей нарушали положения статьи 3 Конвенции. Замечания сторон касательно существенных условий содержания под стражей изложены выше в пунктах 25-28.

55. Основные факты, имеющие отношение к оценке условий содержания под стражей, в частности, площадь камер, количество сокамерников, одновременно содержащихся в камере вместе с заявителем, и санитарно-гигиенические условия не оспаривались сторонами. Тем не менее стороны разошлись во мнении, представляли ли эти условия унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции. Заявитель утверждал, в частности, что четырех квадратных метров личного пространства было недостаточно, чтобы избежать переполненности в ИЗ-77/5, и что это усугублялось другими факторами, такими как недостаточная вентиляция и освещение, неполное отделение туалета от жилого пространства и ограничения на прогулки на воздухе на природе и прием душа. Власти, напротив, настаивали на том, что условия содержания заявителя под стражей соответствовали стандартам в отношении личного пространства, освещенности, комнатной температуры, санузлов и гигиены.

56. Суд недавно вновь изложил основные принципы, регулирующие применение статьи 3 Конвенции к условиям содержания под стражей, а также принципы в отношении переполненности тюрем в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мурзич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), жалоба № 7334/13, пункты 96-141, ЕСПЧ 2016). В частности, Суд подтвердил, что требование наличия трех квадратных метров пространства на одного заключенного в больших тюрьмах должно соблюдаться в качестве минимального стандарта для оценки согласно статье 3 Конвенции (там же, пункты 110 и 114).

57. В настоящем деле Суд отмечает, что в течение всего периода содержания под стражей заявитель содержался в камерах, в которых у него было около четырех метров личного пространства, что соответствовало минимальному стандарту. Кроме того, заявителю всегда предоставлялась индивидуальная кровать; он никогда не заявлял, что условия в камере, например, такие принадлежности как столы, кровати и туалет, препятствовали его свободному передвижению по камере (см. постановление Европейского Суда от 17 октября 2013 года по делу «Владимир Беляев против России» (*Vladimir Belyayev v. Russia*), жалоба № 9967/06, пункт 34; см. также, для сравнения, постановление Европейского Суда от 11 апреля 2013 года по делу «Манулин против России» (*Manulin v. Russia*), жалоба № 41833/04, пункт 87, и постановление Европейского Суда от 27 января 2011 года по делу «Евгений Алексеенко против России» (*Yevgeniy Alekseyenko v. Russia*), жалоба № 26676/06, пункт 46).

58. Что касается других аспектов физических условий содержания под стражей в следственном изоляторе, Суд отмечает, что заявителю был разрешен один час занятий на открытом воздухе в день. Также, в каждой камере, где содержался заявитель, имелся беспрепятственный доступ к естественному освещению. Окна не были оборудованы металлическими ставнями или другими приспособлениями, препятствующими попаданию естественного освещения в камеру. Даже если бы два окна были расположены высоко, это не могло бы значительно сократить попадание естественного света в камеру (сравните постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 года по делу «Власов против России» (*Vlasov v. Russia*), жалоба № 78146/01, пункт 82). Камеры были дополнительно оборудованы источниками искусственного света, отоплением и принудительной вентиляцией. Туалеты в камерах были отгорожены от жилой зоны, хотя перегородка была не до потолка. Следует отметить, что частота приема душа, ограниченная одним разом в неделю, была рассмотрена Судом как явно недостаточная для поддержания надлежащей гигиены тела (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others*), пункт 158, с дальнейшими ссылками). Однако заявитель не жаловался на другие практические аспекты в ходе принятия душа, например, на ограниченное количество функционирующих леек душа или на отсутствие уединенности, так как заключенных приводили в душевые группами (там же). Суд также принял к сведению фотографии, изображающие внутреннюю обстановку следственных изоляторов и их санитарных объектов, которые, как видно, не находятся в крайне плохом состоянии с точки зрения ремонта или чистоты.

59. Некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей не соответствуют Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским пенитенциарным правилам и рекомендациям Комитета по предупреждению пыток. Они включают, в частности, ограничения в приеме горячего душа и активности на свежем воздухе. Тем не менее, принимая во внимание совокупное влияние тех условий, Европейский Суд не считает, что условия содержания под стражей заявителя достигли предельного уровня жестокости, необходимого для того, чтобы характеризовать обращение с ним как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции (см., для примера подобного обоснования, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov*), пункт 98; постановление Европейского Суда от 17 января 2012 года по делу «Фетисов и другие против России» (*Fetisov and Others*), жалобы №№43710/07 и 3 другие, пункты 137-38; и для сравнения, упоминавшееся выше; постановление Европейского Суда по делу «Владимир Беляев против России» (*Vladimir Belyayev v. Russia*), пункт 36).

60. В связи с этим Суд приходит к выводу, что нарушения статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах не было.

2. Условия транспортировки в/из здания суда

61. Заявитель утверждал, что его транспортировка из следственного изолятора в здание суда и обратно представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он жаловался на частоту и длительность транспортировки, на ужасные условия в конвойном помещении в полицейских фургонах, а также на напряженный график, из-за которого у него не было достаточно времени для сна. Заявитель утверждал, что сочетание указанных выше факторов физически истощило его и вызвало психическое расстройство.

62. Власти указали, что в ходе слушаний его уголовного дела в суде заявитель семьдесят девять раз доставлялся из следственного изолятора в здание суда и обратно. Заявитель не оспаривал количество транспортировок.

63. Суд рассмотрел условия транспортировки в/из зала суда, общие для заявителя и его соответчиков, в постановлении Европейского Суда по делу Ярослава Белоусова (упоминавшемся выше, пункты 103-11). Он установил, что указанные условия представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции, в связи с нехваткой отдыха и сна в дни проведения судебных слушаний, переполненностью и в целом неблагоприятными условиями в конвойных помещениях в здании

Московского городского суда, длительностью поездок из изолятора в суд и обратно и неблагоприятными условиями во время транспортировки. Суд не видит никаких причин отклоняться от данных выводов в настоящем деле. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в данном отношении.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ В СТЕКЛЯННЫХ КАБИНАХ И МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КЛЕТКАХ В ХОДЕ СУДЕБНЫХ СЛУШАНИЙ

64. Заявитель жаловался на то, что его содержание в стеклянных кабинах и в металлических клетках во время судебных слушаний представляло собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость

65. Власти указали, что жалобы заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции были поданы с нарушением срока. В данном отношении они повторили свои замечания, представленные в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упоминавшемуся выше, пункт 113).

66. Суд отмечает, что предполагаемое жестокое обращение имело место в ходе слушаний в суде первой инстанции, которые завершились 21 февраля 2014 года, и что заявитель не указал, что такое обращение продолжилось в ходе слушаний по апелляции. Суд напоминает, что содержание заявителя в стеклянных кабинах и металлических клетках относилось к двум различным периодам с существенным образом отличающимися условиями содержания под стражей, и не может рассматриваться в качестве длящейся ситуации для целей расчета шестимесячного срока, определенного в пункте 1 статьи 35 Конвенции (там же, пункт 114). Дополнительно, Суд ранее принимал то, что заявителям не было доступно средство правовой защиты в отношении условий в зале суда, и что шестимесячный срок следует рассчитывать с даты, когда прекратилось предполагаемое жестокое обращение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против России» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08, пункт 87, ЕСПЧ 2014 (выдержки)).

67. Что касается предполагаемого жестокого обращения посредством помещения в стеклянные кабины, Суд отмечает, что такое

обращение началось 6 июня 2013 года и завершилось в неустановленный день в середине сентября 2013 года, когда судебные разбирательства были перенесены в Никулинский районный суд г. Москвы (см. пункт 31 выше). Заявитель подал жалобу о помещении в стеклянные кабины 18 сентября 2013 года, вскоре после переноса судебных разбирательств в другой зал суда, оборудованный металлическими клетками. Предполагаемое жестокое обращение по причине помещения в металлические клетки прекратилось 21 февраля 2014 года, но жалоба на такое обращение была подана только 2 сентября 2014 года.

68. Следовательно, Суд считает, что заявитель нарушил срок подачи жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции на помещение в металлические клетки. Следовательно, она должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 2007 года по делу «Гришин против России» (*Grishin v. Russia*), жалоба № 30983/02, пункт 83).

69. Напротив, Суд заключает, что заявитель выполнил требования шестимесячного срока в отношении жалобы на содержание в стеклянных кабинах. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

70. Суд описал принципы, касающиеся содержания в стеклянных кабинах, в постановлении по делу «Ярослав Белоусов против России» (упоминавшееся выше, пункты 120-22). Он рассмотрел условия содержания под стражей в залах суда №№ 338 и 635 Московского городского суда, одинаковые для заявителя и его со-обвиняемых, включая Белоусова (там же, пункты 123-28), и установил нарушение в связи с проблемами, сходными с проблемами в настоящем деле. Рассмотрев все представленные материалы, Европейский Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу относительно настоящего дела. Следовательно, было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей в зале суда № 338 в Московском городском суде, и не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания под стражей в зале суда № 635.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

71. Ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия не основывалось на «обоснованном подозрении» в том, что он совершил преступление. Он также жаловался на то, что его содержание под стражей в ходе предварительного следствия не имело под собой «значительных и достаточных оснований», как того требует пункт 3 статьи 5 Конвенции. Статья 5 Конвенции в части, относящейся в делу, гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения [...]

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть осуществлено предоставлением гарантий явки в суд...

A. Приемлемость

72. Что касается предполагаемой незаконности содержания заявителя под стражей, Суд отмечает, что именно Басманный районный суд г. Москвы вынес распоряжение о применении указанной меры, и впоследствии несколько раз продлевал срок его содержания под стражей. После того как его дело было передано в суд, Замоскворецкий районный суд г. Москвы вынес постановление о заключении под стражу. Внутригосударственные суды при принятии таких решений действовали в рамках своих полномочий, и нет оснований полагать, что данные решения являлись недействительными или незаконными с точки зрения национального законодательства. Следовательно, содержание заявителя под стражей было вызвано необходимостью и продлевалось в порядке, предусмотренном законом.

73. Что касается утверждения о том, что заключение заявителя под стражу не основывалось на обоснованном подозрении в том, что он

совершил преступления, то жалоба заявителя, поданная на основании пункта 1 статьи 5, во многом пересекается с жалобой, поданной на основании пункта 3 статьи 5, на то, что власти не привели значительных и достаточных оснований, оправдывающих продление срока содержания заявителя под стражей на период уголовного судопроизводства. Суд напоминает, что подпункт «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в основном касается существования законного основания для содержания под стражей в рамках уголовного производства, тогда как пункт 3 статьи 5 Конвенции касается возможного обоснования такого содержания под стражей. Кроме того, в соответствии с устоявшейся практикой Суда, существование обоснованного подозрения является обязательным условием для законности продолжительного содержания под стражей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (*Buzadji v. the Republic of Moldova*), жалоба № 23755/07, пункт 87, ЕСПЧ 2016 (выдержки)). Суд считает более целесообразным рассмотреть данную жалобу с точки зрения пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 17 сентября 2015 года по делу «Ковязин и другие против России» (*Kovyazin and Others v. Russia*), жалобы №№ 13008/13 и 2 другие жалобы, пункт 71; постановление Европейского Суда от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), жалоба № 19554/05, пункт 46; а также постановление Европейского Суда от 31 мая 2011 года по делу «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 165).

74. Кроме того, Суд считает, что жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что эта часть жалобы не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

75. Стороны привели по сути те же доводы по статье 5 Конвенции, что и в упоминаемом выше постановлении по делу «Ковязин и другие против России» (пункты 73-74). Соответствующие общие принципы, применимые к настоящему делу, описаны Судом в вышеупомянутом постановлении (там же, пункты 75-78).

76. Период содержания под стражей, который следует принимать во внимание в настоящем деле, начался 9 июня 2012 года, т.е. с даты задержания заявителя, и завершился 21 февраля 2014 года, когда он был осужден. Соответственно, рассматриваемый период составляет один год и восемь месяцев. Суд также отмечает, что уголовное

судопроизводство по делу заявителя началось 18 июня 2013 года, спустя один год после его задержания. Принимая во внимание значительный срок содержания под стражей в свете презумпции в пользу освобождения, Суд считает, что российские органы власти должны были привести очень весомые причины для применения к заявителю этой меры.

77. Из распоряжений о заключении заявителя под стражу и замечаний Властей следует, что основной причиной для содержания под стражей послужила тяжесть предъявленных обвинений. Внутригосударственные суды сочли, что заявитель, столкнувшись с угрозой тюремного заключения, вероятно, мог скрыться, оказать давление на свидетелей и вмешаться в отправление правосудия. Кроме того, они опирались на тот факт, что отец заявителя проживал в Украине как на основание полагать, что заявитель может бежать, чтобы избежать расследования и судебного разбирательства.

78. Суд отмечает, что риск того, что обвиняемый избежит правосудия оценивается с учетом множества факторов. К ним относятся, в частности, характер вовлеченного лица, его мораль, его активы, его связи с государством, в котором он преследуется, и его международные контакты (см. Постановление Европейского Суда по делу «Смирнова против России» (*Smirnova v. Russia*), жалобы №№ 46133/99 и 48183/99, пункт 60, ЕСПЧ 2003-IX (извлечения)). Не оспаривалось, что заявитель имел постоянное место жительства в Московской области и учился в университете. Власти не указали каких-либо обстоятельств, кроме проживания его отца в Украине, в качестве предположения о том, что, если он будет освобожден, заявитель сбежит. По мнению Суда, этот факт сам по себе не может говорить в пользу риска того, что он сбежит, учитывая, что заявитель имел прочные связи со страной, в которой он был привлечен к ответственности. Кроме того, риск того, что обвиняемый сбежит неизбежно уменьшается с течением времени, проведенного в заключении (см. постановление Европейского Суда от 21 июня 2007 года по делу «Мельникова против России» (*Melnikova v. Russia*), жалоба № 24552/02, пункт 82). К моменту, когда дело было представлено в суд, риск уменьшился из-за вероятности того, что продолжительность содержания под стражей была бы вычтена из (или будет учитываться) срока лишения свободы, который заявитель мог бы ожидать, если бы был осужден (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 2009 года по делу «Штейн (Штайн) против России» (*Shteyn (Stein) v. Russia*), жалоба № 23691/06, жалоба № 23691/06, пункт 112). Наконец, суды не указали действительных причин для отказа в удовлетворении ходатайств заявителя об альтернативной превентивной мере.

79. Ранее Суд уже рассматривал аналогичные жалобы, поданные соответчиками заявителя, где он признал нарушение их прав, закрепленных в пункте 3 статьи 5 Конвенции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Ковязин и другие против России», пункты 82-94, и упоминаемое выше постановление по делу «Ярослав Белоусов против России», пункты 133-38). Суд, в частности, отметил, что внутригосударственные суды ссылались на тяжесть предъявленных обвинений как на основной фактор при оценке вероятности того, что заявитель скроется, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует отправлению правосудия, а также их нежелание уделить должное внимание оценке личной ситуации заявителя и учесть факторы, говорящие в пользу освобождения. Он также отметил использование коллективных постановлений о заключении под стражу без проведения индивидуальной оценки оснований для заключения под стражу каждого соответчика, и отсутствие тщательного рассмотрения возможности избрания менее жесткой меры пресечения, такой как освобождение под залог.

80. Рассмотрев все представленные материалы, Суд полагает, что Власти не предоставили каких-либо фактов или доводов, способных привести к иным выводам по настоящему делу. Действительно, конкретные преступления, вменяемые заявителю, – использование металлических барьеров для блокирования движения сотрудников полиции и бросание камней и кусков щебня (классифицированные как тяжкое преступление), а также выхватывание шлема из рук сотрудника полиции (классифицированное как преступление средней тяжести) – первоначально могло потребовать его содержания под стражей в ходе предварительного следствия. Тем не менее, с течением времени характер и тяжесть соответствующего преступления, как основание продолжительного содержания заявителя под стражей приобретали все меньшее значение (см. вышеупомянутое постановление по делу «Ковязин и другие против России» (*Kovyazin and Others*), пункт 85, а также постановление Европейского Суда от 3 апреля 2014 года по делу «Артемьев против России» (*Artemov v. Russia*), жалоба № 14945/03, пункт 75). Более того, срок содержания заявителя под стражей был продлен теми же коллективными распоряжениями, что и в отношении его соответчиков, без проведения индивидуальной оценки его ситуации (там же, пункты 92-93).

81. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

82. Заявитель подал ряд других жалоб по статье 6 Конвенции относительно различных аспектов судебного процесса в его

отношении. Он ссылаясь на его содержание в стеклянных кабинах в ходе судебного слушания, интенсивный график слушаний, и утверждал, что не имел достаточно времени и средств для подготовки своей защиты. Он также указал, что не мог эффективно защищать себя по причине отсутствия возможности конфиденциальной консультации с его адвокатом в ходе разбирательства в суде. Заявитель ссылаясь на пункт 1 и подпункты (b) и (c) пункта 3 статьи 6 Конвенции, которая, в соответствующей части, гласит следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное слушание дела...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(b) иметь достаточно время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия ...»

83. Власти указали, что заявитель не подал жалобы согласно статье 6 Конвенции в апелляционный суд. Заявитель возразил, что он исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении указанных жалоб.

84. Суд ранее устанавливал, что апелляционная инстанция была в состоянии предоставить эффективное средство правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения статьи 6 Конвенции в случае соответчика заявителя (см. постановление по делу Ярослава Белоусова, упомянутое выше, пункт 141). Суд отмечает, что заявитель не включил указанные жалобы в свою апелляционную жалобу в качестве оснований для своего ходатайства об отмене постановления, вынесенного судом первой инстанции. Соответственно, он не предоставил внутригосударственным судам возможности рассмотрения определенного нарушения Конвенции, предположительно допущенного Государством. Следовательно, указанные жалобы должны быть объявлены явно необоснованными, и должны быть отклонены в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

85. Заявитель также утверждал, что имело место нарушение его права на свободу выражения мнения и права на мирные собрания. В

частности, он жаловался на то, что меры безопасности, приводящие к таким нарушениям, были приняты на месте проведения митинга на Болотной площади. Он также возразил, что его последующее преследование и признание виновным в участии в массовых беспорядках являлись произвольными и несоразмерными. Заявитель ссылаясь на статьи 10 и 11 Конвенции, которые гласят:

Статья 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий».

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Статья 11

“1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...” Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Приемлемость

86. Власти утверждали, что заявитель не подавал жалоб в внутригосударственные суды в отношении общих действий полиции по защите общественного порядка в ходе собрания. Следовательно, они ходатайствовали перед Судом об объявлении данной части жалобы неприемлемой по причине неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты или по причине несоблюдения шестимесячного срока.

87. Заявитель утверждал, что он выполнил критерии приемлемости в отношении своей жалобы.

88. Суд отмечает, что заявитель в настоящем деле был признан виновным в совершении действий, приводящих к массовым беспорядкам, которые являлись действиями, которые привели к прерыванию собрания. Следовательно, основание ответственности за указанные действия являлось основным вопросом при определении уголовных обвинений заявителя. В таких обстоятельствах, его жалоба на роль органов власти в том, что имели место беспорядки, неотделима от вопроса об отсутствии обоснования в отношении уголовной ответственности заявителя. По этой причине от Суда не требуется оценка предполагаемого неисполнения органами власти своего позитивного обязательства в отношении проведения собрания на Болотной площади в качестве отдельного вопроса в соответствии со статьей 11 Конвенции. Более того, поскольку заявитель обжаловал его уголовное обвинение, Суд считает, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своих жалоб в соответствии с этим положением и соблюдал шестимесячный срок в этом отношении.

89. Суд отмечает, что жалобы заявителя на преследование и признание виновным, поданные в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции, не являются явно не-обоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалоб

1. Представления сторон

90. Замечания Властей по существу дела были идентичны представленным в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункты 160-63).

91. Заявитель указал, что он был мирным и законопослушным, и не планировал принимать участие в массовых беспорядках. 6 мая 2012 года он отправился на Болотную площадь, чтобы принять участие в мирном собрании, которое было разрешено московскими органами власти. Он указал, что на официально опубликованной карте района для собрания было указано, что место проведения собрания включает парк на Болотной площади, и что органы власти не уведомили участников об изменении схемы места проведения мероприятия. Неожиданное размещение полицейского кордона возле Малого Каменного Моста ограничило маршрут доступа к месту проведения митинга, что привело к путанице и переполненности в данном районе. Заявитель утверждал, что эпизоды беспорядков и столкновений между

протестующими и полицией были обусловлены необъявленным изменением плана. Еще одной причиной являлся отказ органов власти перераспределить сотрудников полиции таким образом, чтобы прекратить блокирование людей и остановить панику среди протестующих.

2. Оценка Европейского Суда

(а) Предметный охват жалоб заявителя

92. Суд отмечает, что в обстоятельствах настоящего дела статью 10 Конвенции следует рассматривать в качестве *lex generalis* в отношении статьи 11 Конвенции, *lex specialis* (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202, и постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба № 21613/07, пункты 82-83). Суд рассмотрит настоящую жалобу в соответствии со статьей 11 Конвенции.

93. С другой стороны, несмотря на ее независимую роль и особую сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного статьей 11 Конвенции (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу Эзелина, пункт 37).

(б) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

94. Суд ранее указывал, что собрание на Болотной площади 6 мая 2012 года относилось к рамкам действия статьи 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*), пункт 99 и 137, а также упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), пункты 168-71). Что касается заявителя, из описания вмененных ему преступлений не следует того, что он находился в числе лиц, несущих ответственность за первоначальные агрессивные действия, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера собрания. Соответственно, он пользовался защитой в соответствии со статьей 11 Конвенции. Суд также постановляет, что преследование и признание заявителя виновным в совершении действий во время разгона демонстрации представляли собой вмешательство в осуществление свободы собраний.

(в) Являлось ли вмешательство «предписанным законом», преследовало ли оно законную цель и являлось ли «необходимым в демократическом обществе»

95. Стороны привели по сути такие же доводы в отношении законности вмешательства, что и указанные в постановлении по делу Ярослава Белоусова (упомянуто выше, пункт 173). Суд не видит причин для иного вывода по настоящему делу (там же, пункты 174-75). Суд заключает, что содержание заявителя под стражей в ходе предварительного следствия и преследование являлись законными, и преследовали законные цели, состоящие в предотвращении беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц.

96. Что касается вопроса о том, являлся ли уголовный приговор «необходимым в демократическом обществе», Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в совершении двух уголовных преступлений, а именно, в участии в массовых беспорядках (статья 212 Уголовного кодекса) и совершении насильственных действий в отношении полицейского (статья 318 Уголовного кодекса). Он был приговорен к тюремному заключению на три года и шесть месяцев в соответствии с этими положениями за участие в официальном публичном мероприятии, с использованием металлических барьеров для блокирования движения сотрудников полиции, бросанием кусков щебня в сотрудников полиции, нанесением удара неустановленному сотруднику полиции и выхватыванием шлема у офицера полиции из рук.

97. Суд повторяет, что в случае, когда лица принимают участие в насильственных действиях, государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при рассмотрении необходимости вмешательства в свободу собраний, и наложение санкций за такие предосудительные действия считается совместимым с гарантиями, приведенными в статье 11 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 19 января 2016 г. по делу «Гулчу против Турции» (*Gülçü v. Turkey*), жалоба № 17526/10, пункт 116, и упомянутые в нем дела). В этом случае Суд отмечает, что сотрудник полиции, в отношении которого заявитель был признан виновным в нападении, только показал, что заявитель выхватил его шлем из его рук, и такие же показания были даны другим полицейским. В постановлении не указывалось, какие доказательства подтвердили его вывод о том, что заявитель ударил еще одного сотрудника полиции, который остался неустановленным. В любом случае, даже если предположить, что лишение свободы сроком на один год и четыре месяца в соответствии со статьей 318 Уголовного кодекса за применение насилия в отношении представителя власти было оправданным, следует отметить, что такая мера являлась более мягким наказанием по сравнению с частично совпадающим лишением

свободы сроком на три года за участие в массовых беспорядках в соответствии со статьей 212 Уголовного Кодекса.

98. Акты массового беспорядка, которые привели к трех-летнему тюремному заключению заявителя в соответствии со статьей 212 Уголовного Кодекса, заключались в использовании металлических барьеров для блокирования движения сотрудников полиции и метании кусков щебня в сотрудников полиции. Поскольку заявитель был признан виновным в том, что он бросал куски щебня, вполне обычно, что такое поведение будет наказываться; однако наказание за эти действия должна быть пропорциональной и, в частности, должно отражать фактический ущерб, причиненный действиями. В этом случае нельзя было предположить, что заявитель ударил кого-либо этими кусками щебня. Что касается препятствованию сотрудникам полиции металлическими барьерами, Суд отмечает, что не было свидетелей того, что заявитель использовали барьеры, и что он отрицал свою причастность к этому. Из утверждений заявителя можно заметить, что другие протестующие могли использовать барьеры для защиты себя от применения силы со стороны сотрудников полиции. Однако внутригосударственные суды не рассмотрели вопрос о том, в какой степени барьеры могли быть использованы заявителем или другими лицами для выхода из драки.

99. Более того, при оценке дела о массовых беспорядках национальные суды не рассматривали утверждение заявителя о том, что полиция способствовала использованию насилия и применяла чрезмерную силу. Согласно фотографиям, представленным заявителем, у него было несколько травм, напоминающих следы ударов дубинкой на спине. Утверждение об избиении также подтверждалось результатами обследования заявителя в больнице (см. пункт 10 выше). В таких обстоятельствах для надлежащего отправления правосудия было необходимо, чтобы суд первой инстанции оценил утверждения заявителя о жестоком обращении в контексте определения уголовных обвинений против него (см. С соответствующими изменениями, постановление Европейского Суда от 25 июля 2017 года по делу «Анненков и другие против России» (*Annenkov and Others v. Russia*), жалоба № 31475/10, пункт 98, и постановление Европейского Суда от 25 сентября 2012 года по делу «Степанов против России» (*Stepanov v. Russia*), жалоба № 33872/05, пункт 49). Однако национальные суды отклонили его аргументы в пользу применения силы полицией, просто ссылаясь на предыдущий отказ открыть уголовное дело в отношении поведения сотрудников полиции. Несмотря на то, что судебное разбирательство по делу заявителя не было надлежащим средством установления ответственности отдельных сотрудников полиции, фактов и утверждений касающиеся роли властей в начале столкновений и

степени применения силы со стороны полиции, имели прямое отношение к определению вины заявителя в массовых беспорядках, вменяемой ему. Поэтому суд должен оценить эти элементы как часть оценки вины заявителя.

100. Оценивая серьезность наказания за участие в массовых беспорядках, Суд считает важным, чтобы в уголовном деле не было раскрыто какое-либо ранее существовавшее намерение заявителя участвовать в насильственных действиях, и такое намерение не было установлено судом первой инстанции. Насколько это видно из обвинительного заключения и решения, заявитель не был среди тех, кто несет ответственность за начальные акты агрессии, которые способствовали ухудшению первоначального мирного характера собрания (элемент, который считается упомянутым выше в деле «Ярослав Белоусов против России», пункт 179). В разгар столкновений заявитель бросил куски щебня, и его столкновения с полицией произошли, когда они уже арестовывали протестующих. Хотя общее поведение заявителя выродилось из мирного в насильственное, оно носило случайный характер и, как представляется, было спонтанной реакцией на силы, используемые полицией против протестующих, большинство из которых были мирными. Следовательно, общее поведение заявителя, хоть и включало определенную степень насилия, не носило регулярный характер и не достигло степени агрессии, которая, как признал Суд в других делах, привела к насилию, что требовало принятия решительных мер, в частности, последующего приговора протестующих к продолжительному лишению свободы (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункты 156-63, и решение Европейского Суда от 11 октября 2001 года по делу «Османи и другие против Бывшей Югославской Республики Македония» (*Osmani and Others v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 50841/99).

101. Принимая во внимание незначительную роль заявителя в собрании и тот факт, что он случайно принял участие в столкновениях, Суд не считает, что риски, указанные Властями, а именно, потенциальные гражданские волнения, политическая нестабильность и угроза общественному порядку имели отношение к заявителю. Суд не одобряет насильственные действия заявителя и повторяет, что государственные органы власти пользуются более широкой степенью усмотрения при наказании таких действий (см. постановление по делу «Гулчу против Турции» (*Gülçü v. Turkey*), упомянутое выше, пункт 116, и постановление по делу «Тараненко против России» (*Taranenko v. Russia*), упомянутое выше, пункты 81-97), и считает, что причины, указанные Властями, не могут являться основаниями для лишения свободы сроком на три года за участие в массовых беспорядках

согласно статье 212 Уголовного кодекса. Суд считает, что не существовало «насушной социальной потребностью» выносить заявителю приговор с таким сроком лишения свободы, дополнительно к приговору за нападение на полицейского.

102. Более того, надлежит подчеркнуть, что признание заявителя виновным, и в особенности суровость приговора, должны были обить у него и других лиц, поддерживающих оппозицию, и у общества в целом, желание посещать демонстрации, и, в более общем смысле, участвовать в открытых политических дебатах. Охлаждающий эффект санкций, наложенных на него, был также усилен широкомасштабными судебными разбирательствами по делу, которые широко освещались в СМИ.

103. Принимая во внимание суровость санкций, наложенных на заявителя, Суд заключает, что признание его виновным являлось мерой, несоразмерной законным целям по предотвращению беспорядков и преступлений и защите прав и свобод других лиц, и следовательно, не являлось необходимой в демократическом обществе.

104. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

105. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 18 Конвенции на то, что уголовное судопроизводство по его делу преследовало цель, состоящую в подрыве его права на свободу собраний. Суд считает, что указанная жалоба должна рассматриваться в соответствии со статьей 18 совместно со статьей 11 Конвенции. Статья 18 Конвенции гласит следующее:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

106. В своих замечаниях в данном отношении стороны повторили свои аргументы в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу собраний.

107. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами на нарушение статьи 11 Конвенции, которые были рассмотрены выше, и поэтому также должна быть признана приемлемой. Принимая во внимание выводы в пунктах 96-103, Суд считает, что жалоба в соответствии со статьей 18 совместно со статьей 11 Конвенции не поднимает отдельных вопросов, и что не имеется необходимости изучать вопрос о том, имело ли место нарушение данного положения в рамках настоящего дела.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

108. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

109. Заявитель потребовал 1 100 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

110. Власти оспорили требование заявителя как завышенное.

111. В настоящем деле Суд установил нарушения статей 3, 5 и 11 Конвенции в отношении заявителя. В данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и стресс, которые испытал заявитель, не могут быть компенсированы лишь установлением факта нарушения. Произведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 12 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

112. Также Суд отмечает, что несмотря на то, что заявитель уже был освобожден после отбывания приговора, он все еще может столкнуться с негативными последствиями в результате несоразмерно сурового приговора. Таким образом, обязательство по исполнению настоящего постановления потребует принятия других мер. Дополнительно к выплате справедливой компенсации, присужденной Судом, цель которой заключается исключительно в возмещении последствий нарушения, которые не могут быть возмещены иным способом (см. постановление Европейского Суда по делу «Савридин Джураев против России» (*Savridin Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 71386/10, пункт 252, ЕСПЧ 2013 (выдержки). Таким образом, Государство-ответчик должно принять соответствующие меры для устранения последствий любого прошлого или будущего ущерба заявителю в результате несоразмерного приговора, который, как заключил Суд, приводит к нарушению Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоzzари и Гиунта против Италии» (*Scozzari and Giunta v. Italy*), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, пункт 249, ЕСПЧ 2000-VIII). В данном контексте Суд повторяет, что несмотря на то, что Государство-ответчик, в принципе, свободно выбирать способы исполнения указанного обязательства, Комитет Министров должен оценить, являются ли такие способы совместимыми с выводами, приведенными в соответствующем постановлении Суда, и соответствуют ли подходу, принятому органами Конвенции в аналогичных делах (см., к примеру,

постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, пункт 47, ЕСПЧ 2004-I, и Резолюцию Комитета Министров ResDH(2010)63 от 3 июня 2010 года по исполнению постановления Европейского Суда от 21 февраля 2006 года по делу «Одабаши и Кочак против Турции» (*Odabaşı and Koçak v. Turkey*), жалоба № 50959/99).

Б. Издержки и расходы

113. Заявитель не выдвигал каких-либо требований по этому пункту. В связи с этим Суд считает, что необходимость присуждения ему какой-либо суммы в этом отношении отсутствует.

В. Проценты за просрочку платежа

114. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной процентной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *Отклонил* предварительное возражение Властей;
3. *Признал* жалобы, поданные в соответствии со статьей 3 Конвенции на условия транспортировки и содержание в стеклянных кабинах в залах суда, и в соответствии со статьями 5, 10, 11 и 18 Конвенции – приемлемыми, и остальные жалобы – неприемлемыми;
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах;
5. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями транспортировки в/из суда;
6. *Постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в стеклянную кабину в зале суда № 338 Московского городского суда;

7. *Постановил*, что в настоящем деле не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с помещением заявителя в стеклянную кабину в зале суда № 635 Московского городского суда;
8. *Постановил*, что было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
9. *Постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
10. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 18, взятой в совокупности со статьей 11 Конвенции;
11. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев со дня, когда в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции постановление станет окончательным, выплатить заявителю 12500 (двенадцать тысяч пятьсот) евро с переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты за моральный вред, включая сумму любых налогов, которыми она может облагаться;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
12. *Отклонил* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о принятом решении в письменной форме направлено 15 мая 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель Секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Дедова.

Х. Й.
Ф. А.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕДОВА

Я уже высказал свои мнения по вопросу о применимости статьи 11 в ситуации насилия в аналогичном деле «Болотная» (см. Постановление Европейского Суда от 30 января 2018 года по делу «Барабанов против России» (*Barabanov v. Russia*), жалобы №№ 4966/13 и 5550/15). С тех пор я не изменил свои взгляды. Однако я голосовал вместе с большинством по другой причине: документы дела не убеждают меня в том, что обвинения в отношении заявителя были доказаны в суде и что заявитель имел справедливое судебное разбирательство в ходе уголовного разбирательства.

В настоящем деле заявитель был обвинён национальными властями в связи с его предполагаемым участием в массовых беспорядках в ходе Марша миллионов в мае 2012 года. Уголовное судопроизводство привлекло огромное внимание общественности. Дело с самого начала было крайне политически чувствительным на национальном уровне. Заявитель и другие со-обвиняемые были классифицированы как политические заключенные различными оппозиционными движениями и независимыми средствами массовой информации.

В этом случае я был полностью разочарован низким качеством вердикта (постановление суда первой инстанции). Приговор не содержал ссылок на какие-либо существенные доказательства, способные поддержать выводы о вине заявителя. «Свидетельские» показания, сделанные сотрудниками полиции, были расплывчатыми и не смогли точно определить действия заявителя и другие факты, связанные с его участием в столкновениях. Единственным фактом, в котором я уверен, является то, что заявитель был жестоко избит сотрудниками полиции, что национальный суд не учел.

Настоящее дело может служить примером системной проблемы, то есть низкого качества приговоров по уголовному делу. Это неприемлемо, когда решение по уголовному делу просто ссылается на версию событий, не позволяя читателю понять, каким образом суд пришел к своим выводам. Я убежден в том, что инструкции Верховного суда относительно содержания приговоров по уголовным делам (в частности, о том, как суд должен обосновывать свои выводы) должны быть разработаны более скрупулезно (см. Постановление № 1 от 29 апреля 1996 года с последующими поправками и Постановление № 55 от 29 ноября 2016 года).